

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

То что должно сохраниться от марксистского подхода к литературе, или, вернее, что благодаря этому подходу явственно вскрылось, заключается вовсе не в пресловутом лозунге «социальной литературной заданности», а в обнаружении чрезвычайного значения социального момента вообще, как в творчестве автора, так и в жизни данного произведения в той или иной среде.

Если до революции и интересовались вопросом социальной базы (сословной и классовой принадлежности) писателя, то лишь в порядке узко-биографическом, а историей произведения после выхода его в свет почти и вовсе не занимались, ограничиваясь изучением критических и публицистических на него откликов.

Правда — во всех учебниках имелись упоминания о дворянском периоде литературы, о появлении в ней разночинцев, но этим дело и ограничивалось. Кроме утверждения голого факта и очень наивных к нему пояснений — мы ничего не найдем.

И это в то время, когда социальная база представляет из себя не только материал для авторских художественных воплощений, но и чувствительное органическое восприятие мира (не бытие, определяющее сознание, а сознание лишь через бытие себя утверждающее). Вульгарный взгляд, что классовость автора являет собой признак его ограниченности и что всякий великий писатель над-и-безклассен не только не отвечает действительности, но обратен ей. Ни один из великих писателей России не был безклассен, больше того — именно благодаря классовости (социальная база) и только классовости писатель получает возможность включить в себя то громадное социальное целое, именуемое народом или нацией. Так писатель может быть дворяно-народным, крестьяно-народным, мещано-народным, купеческо-народным

(первая часть термина определяет базу, вторая — масштаб писателя), но непосредственно народным быть не может. Любопытно, что в другом приложении закон социальной базы не вызывает обычных нелепых возражений. Никому не придет в голову требовать от «мировых писателей» отказа от их народной базы и утверждать, что Толстой, например, с'узил себя своею русскостью. Для всех ясно, что именно благодаря своей глубокой русскости (прочной социальной базе) он и смог сделаться мировым Толстым. Мы не можем представить себе безнационального мирового писателя. Но что истинно для высших социальных инстанций является истинным и для низших. Народу и человечеству в нашем утверждении соответствуют сословие-класс и народ.

Сословие, как ясно указывает и этимологическое строение слова (со-словие, со-жительство, со-дружество) не может жить обособленно и уединенно. И в этом отличие сословия от касты. У каждого сословия есть ближайшие сословные соседи, благодаря общению с которыми происходит постоянное культурное взаимопроникновение, культурная диффузия.

Так мы можем говорить о сословном соседстве крестьянства с купечеством, купечества с мещанством или в некоторых случаях дворянства с крестьянством. Вследствие этого социальная база писателя служит и путем к имманентному познанию, к включению в себя соседних социальных групп. Очень часто именно это включение (в большей или меньшей степени) соседней базы превращается в главный фактор творческого само-и-миропознания (лучший пример — биографическое и литературное опрощение Льва Толстого).*)

Из этого следует, что та группа, которая обладает наибольшим количеством «социальных соседей» тем самым обретает возможность к наибольшему расширению своей базы путем включения в последнюю, как ряда черт соседей, так в некоторых случаях и целостного присвоения ближайшей или ближайших баз. Таковой группой в нормальных условиях оказывается правящая, благодаря своему служебно-командному положению

*) Основная база не всегда определяется формальной принадлежностью автора к тому или иному сословию или классу. Волшебный момент играет роль не меньшую. Русская литература знает ряд примеров подобного социального переключения. В современности — Есенин (самоубийственная замена крестьянской базы — интеллигентской) и «попутчики». Пример псевдо-переключения — писатели-народники недавнего прошлого.

и вытекающему отсюда самовключению во все области социальной жизни. И действительно — основное русло литературы естественно связано с социальной базой правящего сословия или группы. Изменение русла означает смену правящей группы и наоборот.

История русской до-революционной литературы делится на два основных этапа, которым соответствуют две основных ее базы — дворянская и интеллигентская. На этом примере легко проследить истинность высказанных положений.

Дворянство, как правящая группа, вступило в жизнь не органическим путем, а в декретном порядке. От молодого сословия в первую очередь требовался отрыв от многовековой культурной традиции, замена ее «европейской образованностью». Голландские ассамблеи и царскосельский Версаль ампутировали старые социальные связи. Прежняя социальная база, как и вся внедворянская Россия, предстали в виде сонмов недорослей, которых можно учить, но от которых нечего заимствовать. Для дворянского авангарда получилась бы трагическая в себе замкнутость, если бы не замена утерянной базы новой — иноземно-западной. Это сразу выявилось в начальном литературном творчестве, которое все проходит под знаком иноземных заимствований. Заимствуются не только форма, или тема, но и самый первоначальный материал художественного восприятия.

Замкнуто-дворянский период долго продлиться не мог, хотя и наложил отпечаток на все дальнейшее развитие литературы. Сословие, призванное к культурному и политическому водительству, уже тем самым было обречено на тесные взаимоотношения с другими сословиями. Происходит обратный процесс вбирания в себя того, от чего ранее отмежевывались.

Географические условия расселения дворянства так же как и служебные — определили два главных русла, по которым происходило напитывание иссыхавшей дворянской базы — мещано-чиновное в городах, крестьянское — в поместьях. Расширение базы немедленно сказывается на соответствующем отрезке истории литературы. Все ее крупнейшие имена связаны именно с этим отрезком: Пушкин, Гоголь, Толстой и Тургенев. При чем у каждого из них можно установить преимущественное включение в себя той или иной соседней социальной группы. У Толстого (з особенно последнего периода) и молодого Тургенева — крестьянской, у Гоголя — мещано-чиновной, Пушкин же — гармоническое средостояние.

На ряду с дворянством в особо-благоприятных условиях в отношении социального соседства и широты базы находится мещано-купечество (слабость западного влияния при сохранившихся старых культурных традициях и связях). На купеческо-мещанской базе вырастает самостоятельная группа писателей, стоящая в стороне от главного дворяно-интеллигентского литературного русла: Лесков, Островский и Печерский.

Разночинец-интеллигент в начале появляется в качестве культурной периферии дворянства. Но и культурное и социальное качество периферии глубоко отлично от исходного центра. В то время как дворянство обрело Европу и разносторонне впитало ее культуру — вновь-явленный разночинец знакомится с нею не непосредственно, а из третьих рук. Получилась не европеизация, давшая в дворянстве любопытнейшее и своеобразнейшее цветение, а нечто третье, некий фантом, от'единенный от родной и от иноземной почвы. От'единенность усугублялась тем, что интеллигенция не пережила обратного процесса расширения своей базы за счет соседних сословий, пережитого дворянством.

Сословная монархия быстро перерождается в бюрократическую. Интеллигенция, вобрав в себя своеобразно-упрощенные революционные и социалистические идеи запада, занимает по отношению к монархии место оппозиционно-бунтарское. Не культурность в европейском и старо-дворянском смысле слова определяет новую социальную среду, а оппозиционность и революционность. Дворянство постепенно обрастает этой средой и под ее влиянием перерождается и разлагается.

На базе разлагавшегося дворянства и нарождающейся и уже обреченной интеллигенции вырастает Достоевский. Не случайно он дает читателю подробнейшие генеалогии своих героев, словно желая подчеркнуть дворяно-интеллигентское месиво культурно-литературного рубежа. Кроме того у Достоевского имеется соседствующая мещано-чиновничья среда, которая частью включается в его основную базу (Мещанство в широком смысле слова не раз соседствует с дворяно-интеллигентами в городах. В этом соседстве впоследствии найдет свою базу мещано-интеллигент Горький).

Ни патетика народничества, ни чрезвычайное количественное разбухание не спасли интеллигенцию от убийственного одиночества, от полнейшего отсутствия социальных соседей. Замурован-

ная сама в себе она растрачивала свои силы в разрушительной революционной работе, занимаясь сомнительным просветительством и кончила свою короткую жизнь вместе с монархией, против которой боролась, уничтоженная своим детищем — революцией.

Литература интеллигентского периода не выдвинула ни одного имени могущего стать рядом с именами Пушкина, Толстого, Гоголя и Достоевского. Социальная беспочвенность — ее трагический момент. Одному Чехову удалось индивидуально расширить свою базу (земский врач — выход из своего круга) и он становится интеллигентским бытописателем. И если Достоевский бытописует интеллигентский *Sturm und Drang*, то Чехов ее преждевременную старческую немощь.

Короткий и яркий поэтический ренессанс девятисотых годов (очень напоминающий поэтическое цветение дворянского периода 20-30) знаменуется все той же социальной оторванностью. Блок, Бальмонт, Брюсов и Белый в этом отношении одинаково характерны, при чем у первого она воплощается в пророческое предчувствие гибели. Примечательно, что этот ренессанс связан с непосредственным влиянием западных поэтических течений. Как некогда, в дни юности дворянства, недостающая социальная база восполняется Западом (у Вяч. Иванова, Иннокентия Анненского античным миром).

Особое место в предреволюционной литературе занимают В. Розанов, М. Горький и Алексей Ремизов. У всех троих первоначальная база не интеллигентская — у Розанова — чиновно-мещанская, у Горького — мещанская, у Ремизова — купеческая (ср. с. Островским, Лесковым и Печерским.)

Интеллигенция, со своею уединенностью, погибла. После страшных революционных сдвигов в России выделяется новый правящий слой, которому суждено стать базой наступающего этапа литературы. Предугадывать характер его, пожалуй, преждевременно, но можно утверждать с несомненностью, что, ни литература ни и ее база не будут страдать тем страшным недугом, который привел к смерти интеллигенцию. Социальная база нарождающегося слоя небывало углубилась и расширилась. Этому расширению должно соответствовать и грядущее литературное цветение.